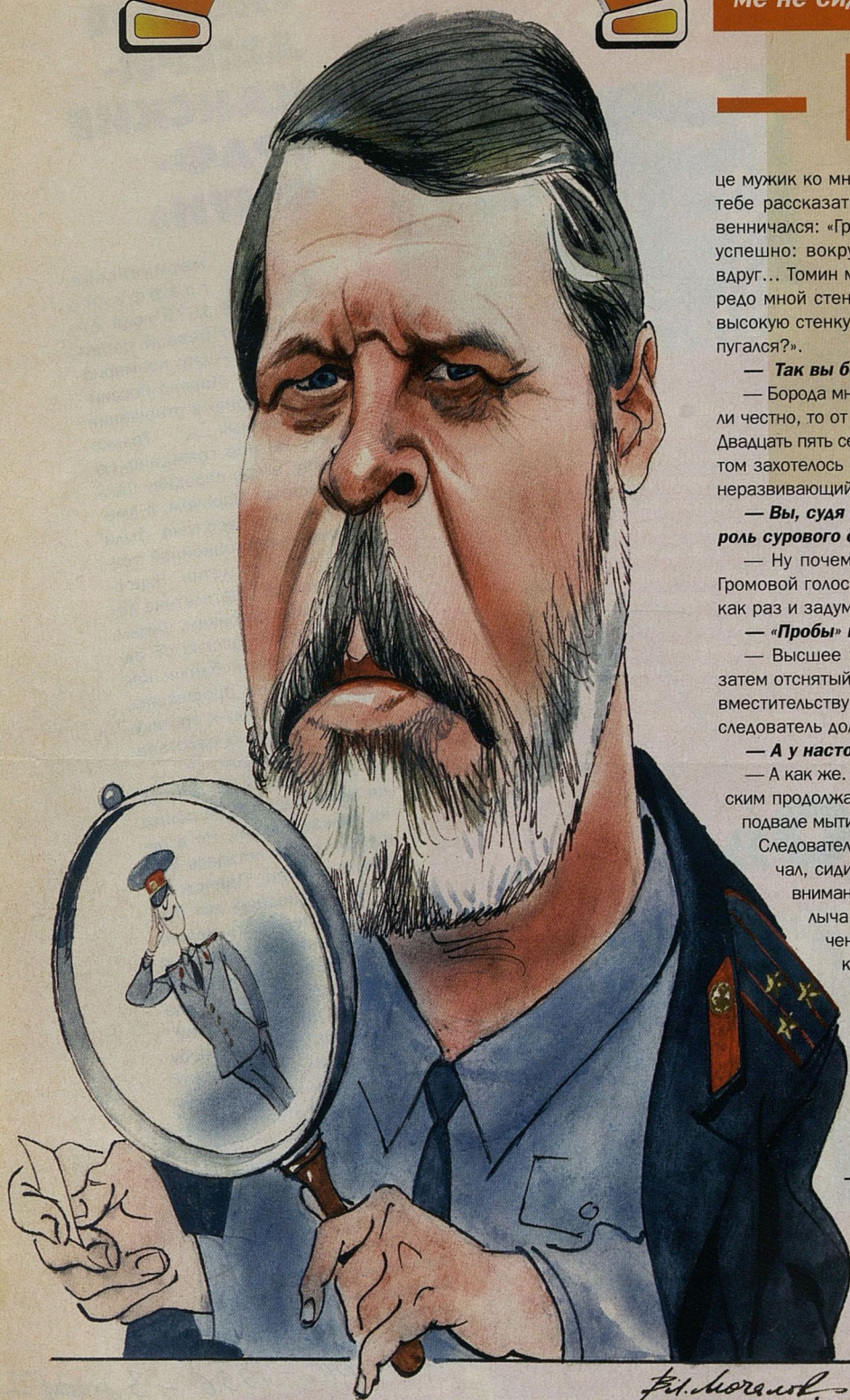

ЛИЦО НЕДЕЛИ

Мартынов Георгий
1 сентября в Парк - 1996 - 3 ноября - с. 10

«Как-то еду в метро — усталый, злой, а ко мне небритый гражданин пристаёт: «Слышь, мужик, где-то я тебя видел? Ты случайно на Колыме не сидел?»»

Георгий Яковлевич, вас до сих пор поклонники Пал Палыча Знаменского донимают?

— Да куда же от него денешься! Уж вроде давно не снимаем и я совершенно изменился, бороду отросил... Все равно узнают. Вот совсем недавно на улице мужик ко мне обращается: «Ты Мартынок, что ли?» — «Да». — «Я должен тебе рассказать одну историю. Мой однокамерник в зоне как-то разоткровенничался: «Гробанул я однажды в подворотне клиента. «Операция» прошла успешно: вокруг никого, тихо-спокойненько с добычей ухожу дворами. И вдруг... Томин мне навстречу! Я разворачиваюсь и пулей несусь обратно. Передо мной стена. В темпе подставляю мусорные бабки, перемахиваю через высокую стенку, отбегаю и... вдруг понимаю: «Черт! Это же артист, чего я испугался?»».

— Так вы бороду отпустили, чтобы преступников не пугать?

— Борода мне нужна для генерала Епанчина, которого я играю в театре. А если честно, то от Пал Палыча мне хотелось избавиться, еще когда сериал делали. Двадцать пять серий целых двадцать лет снимали. Поначалу было интересно, а потом захотелось чего-то нового. Уж очень Знаменский был какой-то застывший, неразвивающийся персонаж.

— Вы, судя по всему, человек мягкий и добрый. Как же вас утвердили на роль сурового следователя?

— Ну почему обязательно сурового? Следователь — это же профессия. Громовой голос и тяжелый кулак — необязательные его качества, Пал Палыч как раз и задумывался «добрым».

— «Пробы» вам устраивали высшие милицйские чины?

— Высшее телевизионное начальство. Прочитывался вначале сценарий, затем отснятый материал изучал заместитель министра внутренних дел, по совместительству — наш консультант: «Это нельзя, это вырезать...», «Советский следователь должен быть эталоном».

— А у настоящего следователя вам довелось поучиться?

— А как же. Когда прошли первые серии по телевизору, мы с Томиным-Каневским продолжали «проходить практику» в следственном изоляторе. Однажды в подвале мытищинской тюрьмы мы присутствовали на допросе молодого парня. Следователь нас строго-настрого предупредил: «Чтобы преступник не нервничал, сидите в уголке молча». Ввели подсудимого, он на нас вроде и внимания не обратил. Следователь был полным антиподом моего Пал Палыча — жесткий, крутой. В один из моментов допроса, когда разгоряченный следователь стукнул кулаком по столу и закричал на парнишку, он вдруг мотнул в нашу сторону головой: «А они в кино очень вежливо на допросах разговаривают».

— До какого же чина дослужился ваш сердобольный Пал Палыч?

— Начинал он майором. Через двадцать лет ему удалось получить полковника. Причем в звании его повысили... зрители. На телевидение стали приходить гневные письма: «Как же так? Столько лет «знатоки» работают, столько преступников поймали, а до сих пор в том же звании!».

— Вот что делает народная любовь!

— Ну что вы, становишься ее рабом! Однажды на Студии имени Довженко я снялся в фильме «Слушать в отсеках», где играл командира подводной лодки. Немедленно пришло письмо возмущенного зрителя: «Почему Пал Палыч вдруг перешел во флот?!». Мне как-то показали целую пачку писем, которые были подписаны так: «Москва, Петровка, 38, следователю Знаменскому».

— Просили помочь советом?

— Не просто советом. Ко мне приходили даже в театр с

МАРТЫНЮК

пухлыми папками судебных дел. Люди на полном серьезе считали, что «знатоки» реально могут помочь, повлиять.

— **Ну еще бы! Ведь «знатоки» были любимчиками всей милиции. Небось вас на руках в каждом городе Союза носили?**

— Когда мы с «Томиним» приезжали по линии МВД в какой-нибудь город с концертами, преступность там, как нам потом говорили, была на нуле. Преступники знали, что «знатоки» в городе, и предпочитали не рисковать. «Наше» ведомство считало своим долгом устроить нам бани, рыбалки и даже охоту. После каждого такого приема надо было куда-то ехать выступать, совмещать все это было довольно трудно.

— **И «Зиночку» с собой брали?**

— Нет. Мы ведь с Каневским в одном театре работали, а Эльза Леждей была все время занята на съемках. Третьим с нами ездил Григорий Лямпе, он умер недавно в Израиле.

— **Вы получали награды от милиции за воплощение правдивого образа?**

— У меня дома лежат грамоты от всех министров внутренних дел. Даже от Щелокова. Мы были первыми лауреатами МВД. И потом нам всем троим выдали удостоверения МВД за подписью начальника главного следственного управления.

— **Имея такой документ, вы смело могли открыть частное детективное агентство «У знатоков».**

— Нам на экране надоело преступников искать, так что в жизни мы предпочли театр. За двадцать лет в нашем сериале переиграл весь цвет советского театра. Знаменитые актеры замечательно играли преступников, а у меня из серии в серию было одно и то же: допросы, допросы... Знаменский сидит за столом, напротив — подследственный, я кладу свой текст перед собой и, пока допрашиваемый отвечает, спокойно подсматриваю свой следующий вопрос.

— **«Майор Томин», наверное, обиделся, что его в полковники не произвели и эмигрировал в Израиль. С тех пор вы с ним виделись?**

— Леня Каневский приезжал сюда два года назад. В Израиле, представьте, его узнают. Он как-то пошутил, что, мол, после его приезда самые матерые преступники со страху эмигрировали с Земли Обетованной. А уж у нас-то ему всегда была обеспечена «зеленая улица». Когда мы ездили на его машине на концерты, Леня нередко нарушал правила, но гаишники его никогда не штрафовали.

— **Умели все-таки «знатоки» использовать «служебное положение»!**

— Ну как вам сказать... Как-то мы с женой, гуляя по городу, зашли в обувной магазин. Там стояла жуткая давка — выбросили дефицитные тогда сапоги. Жена прошептала умоляюще: «Как мне хочется такие купить». Ну, я приосанился, снял шапку, «сделал» лицо Пал Палыча и стал ходить по магазину, чтобы узнали. Но всем было не до меня: походил-походил и ушел без сапог. А вы говорите!

— **Вы человек, как вижу, скромный: не лезете без очереди за сапогами, в общественном транспорте ездите. Как же вы решились такую «бесстыдную» профессию выбрать?**

— Меня старший брат заразил. Мы жили в Оренбурге, вначале была война, да и после не полегало. У меня даже игрушек не было. Развлечений, кроме улицы, никаких. И стал я от скуки читать книги брата, который уже работал в театре. Книгу Станиславского «Работа актера над собой» проштудировал лет в восемь. Увлёкся. Стал читать все подряд, запоем, даже «Историю зарубежного театра». После школы отправился в Москву поступать в театральное училище. Родители были уверены, что я не поступлю и вернусь. А меня приняли в ГИТИС. Мне повезло: после института сразу попал в Театр на Малой Бронной, где и служу уже тридцать пять лет.

— **Вас в кино стали приглашать еще студентом?**

— Как и все на курсе, я снимался потихоньку. Потом, уже в театре, на меня посыпались предложения: «Щит и меч», «Метель», «Тишина». Начало в кино у меня было хорошее, потом, «благодаря» «знатокам», все и закончилось.

— **Знаменский вам «перекрыв кислород»?**

«Метель»

— На меня был запрет. Не дай бог, мне предложили бы сыграть на телевидении отрицательную роль: «Пал Палыч должен быть кристаллом».

— **А сами вы пытались бороться с этим штампом?**

— Как-то мы с Каневским в спектакле «Обвинительное заключение» рискнули сыграть... уголовников. Когда зрители увидели нас на сцене, сидящих в камере, хохот стоял минут пятнадцать.

— **Вы остались верным одному театру, своей профессии, у вас и жена, наверное, одна-единственная?**

— Не угадали, вторая. Первая жена была актрисой, а вторая — врач, работает в Боткинской больнице. Когда мы познакомились, она работала в больнице ВТО. Я там лечился, и она имела несчастье мною увлечься. Наша дочь Татьяна пошла по маминым стопам — тоже врач. У нее двое сыновей — двенадцати и двух лет.

— **А почему вы сказали «несчастье»?**

— Ну как же! Мало ей было пациентов в больнице, так она пациента на всю жизнь отхватила.

С женой и внуком

Со Львом Дуровым

«Следствие ведут Знатоки»